

Глава 18. Конфликт

— Пожирающая души лиана, — позвал Мо Си.

Сяо Хунь показался не сразу. Он медлил, словно нехотя выбираясь из своего укрытия и едва перебирая отростками. Мо Си нахмурился — это явное проявление робости вызвало у него лишь раздражение. Нетерпеливым жестом он притянул лиану к себе и, сосредоточившись, принялся вычерчивать на стеблях сложный, многослойный узор. Когда последний штрих печати замерцал и впитался в растение, старейшина небрежно отбросил Сяо Хуня на пол.

Лиана, едва коснувшись земли, тут же юркнула за спину Нин Цзэ, не смея больше шелохнуться.

— Это скрывающий массив, — ровным тоном пояснил Мо Си. — Он заглушит ауру твоего питомца, чтобы никто из посторонних его не почувал. Теперь иди. Если решишь вернуться раньше срока — отправь мне весточку жемчужиной связи. Сюань Чжи ждет тебя на середине склона, он проводит тебя вниз.

Он говорил буднично, словно речь шла о самой пустяковой прогулке, но в конце всё же добавил:

— И смотри, не вздумай посрамить имя секты Тяньсюань.

Ранее Мо Си уже вручил Нин Цзэ нефритовую табличку — пропуск через барьеры пика Цинхуа и средство для передачи сообщений. Однако нынешний уровень культивации юноши всё ещё не позволял ему летать на мече, а спуск с такой высоты своими силами превратился бы в изнурительное испытание. Именно поэтому Мо Си распорядился о сопровождении.

— Благодарю вас, верховный старейшина, — Нин Цзэ бережно убрал вещи в подаренное кольцо.

В груди шевельнулось странное, щемящее чувство — ему не хотелось уходить. Но выказать слабость он не посмел. Поклонившись, он тихо произнес:

— Нин Цзэ откланивается. Через полмесяца я непременно вернусь, чтобы продолжить службу вам.

Мо Си лишь небрежно махнул рукой, показывая, что аудиенция окончена. Юноша вышел и плотно притворил за собой дверь.

Стоило шагам стихнуть, как Мо Си тяжело опустился на край кровати. Он тут же выглядел совершенно изможденным. Всю прошлую ночь он не смыкал глаз, вкладывая все силы в создание этого кольца и защитного амулета. И если кольцо было вещью простой, то подвеска

потребовала колоссального сосредоточения и огромного количества духовной энергии — непосильная ноша для его нынешнего, едва восстанавливающегося состояния.

Он солгал Нин Цзэ, сказав, что амулет — старая поделка. После последнего испытания молнией все его артефакты превратились в прах, и у него попросту не осталось ничего достойного, что можно было бы отдать ученику. Пришлось создавать защиту с нуля, не желая вешать на мальчишку груз благодарности.

«Пусть этот малец доберется без бед», — устало подумал он, закрывая глаза.

***

Выйдя за порог, Нин Цзэ снова достал подвеску. Она висела на простом черном шнурке, а камень на ощупь оказался необычайно теплым, почти живым.

Юноша нахмурился, разглядывая тонкую резьбу. Края узоров казались подозрительно четкими, словно резец прошелся по нефриту совсем недавно. Сомнение длилось недолго — догадка мгновенно пронзила разум.

Мо Си знал, что он собирается спускаться с горы, и специально подготовил этот защитный артефакт. Вот почему старейшина выглядел таким бледным... Нин Цзэ вспомнил слова Сюань Чжи о ранах мастера, и он почувствовал укол боли. Влить столько духовной энергии в камень, будучи раненым — это был настоящий подвиг.

Юноша невольно мягко улыбнулся.

«А ведь верховный старейшина — действительно хороший человек...»

Повесив амулет на шею и переложив остатки вещей из старой сумки Государственного наставника в новое кольцо, Нин Цзэ направился к середине склона. Издалека он заметил Сюань Чжи, который в явном нетерпении мерил тропу шагами.

— Старший брат Сюань! — окликнул его юноша.

Тот резко обернулся, и на его лице расцвела радость:

— Наконец-то ты спустился! Идем, идем скорее! Столько дней тебя не видел. Сейчас выберемся отсюда, и я покажу тебе окрестности!

***

Массивная табличка из наньму, на которой золотой пылью были выведены властные, летящие иероглифы: «Поместье Нин».

Пришли.

Нин Цзэ на мгновение замер, прежде чем решительно ударить бронзовым кольцом в виде львиной головы о створку ворот. Семья Нин в этих краях была на слуху; любая мелочь, происходившая за этими стенами, становилась темой для сплетен на рыночных площадях на добрые полмесяца.

Юноша быстро привел в порядок мысли, восстанавливая карту семейных интриг. Нин Цзинхун в свое время бросил его мать, госпожу Чэнь, ради дочери влиятельного рода Ван из Цзянбэя. Именно связи новой жены позволили отцу взлететь по карьерной лестнице.

Ван-ши отличалась скверным и мелочным нравом. Когда мать Нин Цзэ попыталась найти справедливость, та не упускала случая унижить соперницу, и самому Нин Цзэ доставалось не меньше. Наверняка и идея сплавить его в поместье Государственного наставника принадлежала этой женщине — она годами шептала мужу на ухо ядовитые речи.

Ворота со скрипом приоткрылись. Слуга, выглянувший наружу, при виде Нин Цзэ вытаращил глаза и лишился дара речи.

— Что, родного молодого господина не признал? Живее открывай! — холодно бросил Нин Цзэ.

Он, не дожидаясь приглашения, пнул тяжелую створку. Слуга, попятившись с таким видом, будто увидел выходца с того света, с воплем: «Старший молодой господин вернулся!» — бросился вглубь двора.

Раньше Нин Цзэ приходилось терпеть издевки в Поместье Государственного наставника или сносить насмешки Янь Сюэцзы, подавляя гнев. Там он был вынужден склонять голову. Но здесь, в родовом гнезде, он больше не собирался подстраиваться под чужие прихоти.

Полагаясь на память тела, юноша уверенным шагом направился к боковому флигелю. Но чем ближе он подходил, тем яснее понимал: тишиной в доме его матери и не пахнет. Напротив, во дворе стоял шум.

Еще не дойдя до порога, он услышал резкий, визгливый голос:

—... Глава разрешил тебе остаться лишь из милости к прошлому, так что будь добра, знай свое место и помалкивай. Семья Нин — не то место, где ты можешь распускать язык. Деревенщина, никакого такта...

Этот голос он узнал бы из тысячи. Ван-ши.

Нин Цзэ ледяно усмехнулся. Он шел так быстро, что девчонки-служанки у входа не успели даже охнуть, как он уже сорвал занавес и шагнул внутрь.

Ван-ши сидела за столом с чашкой чая в руках. Увидев Нин Цзэ, она поперхнулась на полуслове, едва не проглотив собственный язык. Весь город знал, что поместье Государственного наставника вырезали под корень. Как этот щенок мог выжить и, более того, вернуться?

Нин Цзэ скользнул взглядом по комнате. Его мать, Чэнь-ши, стояла перед мачехой, виновато опустив голову. Слабая и безвольная, она явно в очередной раз стала мишенью для издевательств Ван-ши.

Культивация Нин Цзэ еще была далека от совершенства, но ядовитое красноречие, отточенное в прошлой жизни, никуда не делось.

— Кто это тут устроил базар? Никакого воспитания, — громко произнес он, делая вид, что не замечает мачеху. — Позор на всю улицу. Соседи ведь подумают, что в семье Нин совсем не умеют держать себя в руках.

Только после этого он «заметил» Ван-ши и изобразил на лице крайнее удивление:

— О, и матушка здесь? Какая неожиданная встреча.

Ван-ши к этому моменту уже пришла в себя. Она прекрасно поняла, что завуалированное оскорбление предназначалось ей. С грохотом поставив чашку на стол, она не нашла законного повода для ярости и лишь процедила сквозь зубы:

— Вот, значит, как ты проявляешь почтение? Это и есть хваленый сын нашего главы?

Чэнь-ши, увидев сына после долгой разлуки, не могла сдержать волнения, но в присутствии Ван-ши боялась даже пошевелиться. Она смотрела на Нин Цзэ со слезами на глазах. Услышав его дерзкие речи, она испугалась, что сына накажут, и, поспешно схватив его за руку, забормотала с заискивающей улыбкой:

— Госпожа, не гневайтесь...

Однако Нин Цзэ мягко, но решительно высвободил руку и холодно взглянул на Ван-ши:

— Матушка, это в корне неверно. Позволять законной жене стоять, пока сами вы сидите... У кого из нас здесь проблемы с воспитанием? Кто вошел в этот дом первым, а кто — вторым, полагаю, все помнят отлично.

— Замолчи! — взвизгнула Ван-ши, хлопая ладонью по столу.

Это была ее самая болезненная мозоль. Когда-то она вошла в дом Нин, лишь позже узнав, что у Цзинхуна уже была жена. Только слабость Чэнь-ши позволила Ван-ши занять место главной хозяйки. Слова Нин Цзэ были подобны звонкой пощечине.

— Цзы Жун, Цзы Лянь! — в исступлении закричала она. — По зубам его! Сегодня я сама проучу этого щенка вместо его бесхребетной матери!

Стоявшие за ее спиной служанки тут же двинулись вперед. Нин Цзэ нахмурился — он мгновенно почувствовал неладное. От этих девиц исходили волны духовной энергии. Оказалось, даже у простых прислужниц была культивация.

Принцип Нин Цзэ был прост: не поднимать руки на женщин. Но женщины-культиваторы под это правило не попадали.

Цзы Жун и Цзы Лянь, не скрывая презрения, одновременно потянулись к его рукам. Для них он был лишь ребенком, а приказ госпожи не оставлял места для жалости. Однако стоило их пальцам почти коснуться его одежды, как Нин Цзэ, словно юркая рыба, ускользнул из захвата.

Воздух рассек свист, и в следующее мгновение раздалось два хлестких удара.

— Хлоп! Хлоп!

На щеках обеих служанок расцвели алые отпечатки пальцев. Нин Цзэ помнил их лица слишком хорошо — когда прежний владелец этого тела еще жил здесь, эти двое не упускали случая поиздеваться над ним: отвешивали оплеухи, пинали, а в лютый мороз могли со смехом сорвать верхнюю одежду. Судьба дала ему шанс на перерождение, и он не собирался проявлять милосердие к тем, кто заслуживал лишь возмездия.

Служанки буквально обезумели от ярости. Получить пощечины от какого-то сопляка!

Обе они находились на втором уровне Концентрации Духа. Они знали, что Нин Цзэ провел в поместье наставника всего полгода, и не верили, что он мог достичь каких-то высот. В их глазах он был в лучшем случае на том же втором уровне, а против двоих у него не было шансов.

Позабыв о приличиях, они решили разделаться с наглецом. Цзы Лянь выхватила из рукава гибкий меч, а Цзы Жун веером метнула несколько талисманов. На бумаге заплясали искры небесного грома.

«Талисманы Небесного Грома?»

Нин Цзэ почувствовал, как остатки жалости испаряются. Эти двое били на поражение. Талисман Небесного Грома обладал огромной мощью — даже если бы он был на девятом уровне Концентрации Духа, прямое попадание семи-восьми таких печатей оставило бы от него лишь обугленные кости.

Не раздумывая, он выхватил Нефрит Зеленого Феникса и влил в него всю свою духовную энергию до последней капли.

Молочно-белый туман мгновенно окутал его плотным коконом. В ту же секунду талисманы врезались в преграду. Раздалась серия оглушительных взрывов. Защитная сфера вскипела, яростно поглощая разряды молний, и ослепительные вспышки бессильно утонули в густой духовной дымке.

<http://bllate.org/book/17490/1712106>